

второе преступление, взят на поруки неким мещанином Астрадамовым и тогда же определен Баусом работником на женину мельницу. Гибель Пятакова в саратовском саду дала возможность начать распутывать клубок грабежей и дерзких краж в Саратове, особенно за 1843 г.; не доверяя местной власти, министерство внутренних дел поручило расследование своему чиновнику Василичку. Следствие открыло шайку грабителей — разбойников и обширный круг их пособников; оно имело указания на связи их с Баусом, но не смогло установить организационного характера этих связей. Баус был предан суду саратовской уголовной палаты, а затем сената. Первая оставила его в сильном подозрении, а второй признал виновным в ряде служебных преступлений и постановил лишить его всех прав состояния и сослать на поселение в Сибирь. Но ни та, ни другая, несмотря на ряд улик, не признали его виновным в соучастии в грабительствах. Тем не менее министр внутренних дел Л. А. Перовский в разговоре с саратовским губернатором А. М. Фадеевым определенно говорил о соучастии Бауса.

17 Энциклопедия Плюшара — «Энциклопедический лексикон», издававшийся в 1835—1841 гг. петербургским издателем А. Плюшаром и бывший первым в России опытом издания энциклопедического словаря. Издание его не было доведено до конца, прекратившись на букве «Д».

ВОСПОМИНАНИЯ

№ 1

1 Как видно из письма Н. Г. Чернышевского к отцу от 18 мая 1853 г. (см. XIV том настоящего издания), Чернышевский и его жена приехали в Петербург 13 мая 1853 г.

2 Сотрудничество Н. Г. Чернышевского в «Отечественных записках» началось с № 7 за 1853 г. Возможно, что литератором, рекомендовавшим его А. А. Краевскому, был М. Л. Михайлов, с которым Чернышевский был знаком еще со студенческих лет и который с 1852 г. являлся постоянным сотрудником «Отечественных записок», или А. П. Милюков, участвовавший в библиографическом отделе этого журнала.

3 Это сообщение Чернышевского не вполне точно. На титульном листе «Современника» печаталось: «Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым». Однако объявления об издании «Современника» (см., например, объявление на 1854 г. в №№ 11 и 12 «Современника») подписывались Панаевым, как редактором и издателем, и Некрасовым, только как издателем журнала. Это и могло давать людям, недостаточно осведомленным в редакционных делах «Современника», повод предполагать, что по делам чисто редакционным надлежит обращаться к И. И. Панаеву. В действительности же львиная доля редакционной работы лежала на Н. А. Некрасове.

4 Из дальнейшего рассказа Чернышевского видно, что его переговоры с Панаевым, а затем с Некрасовым происходили в конце осени 1853 г. Ниже Чернышевский исправляет допущенную им в этом месте ошибку: не 29, а 30 лет.

5 В 1850—1853 гг. «Современник» имел от двух до трех тысяч подписчиков. С 1854 г. подписка начала расти (В. Евгеньев, «Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова» — «Голос минувшего», 1915 г., № 11, стр. 94—95). Естественно, что при таких условиях журнал не мог окупаться, и долг, лежавший на «Современнике», возрастал.

6 Этот отзыв Некрасова об И. И. Панаеве находит документальное подтверждение в письмах Некрасова. В конце 1856 г. он писал заведующему конторой «Современника» И. А. Панаеву: «Прежде всего не доверяй денег И. И. и пресекай ему пути к получению их, где бы то ни было, резко и решительно. Можешь действовать моим именем и показать ему это письмо. Это для него же лучше». Некрасов. Сочинения, т. V. М.—Л., 1930 г., стр. 277.

7 Сотрудничество Чернышевского в «Отечественных записках» прекратилось в начале 1855 г. Последние его рецензии были напечатаны в этом журнале в №№ 1 и 3 за указанный год.

⁸ А. В. Дружинин был одним из основных сотрудников «Современника» в 1849—1854 гг. и после смерти Белинского сменил его в качестве литературного критика. «Это был добрый и образованный человек, большой англоман, — пишет о нем сотрудник «Современника» Е. Я. Колбасин, — но по принципам ярый крепостник и защитник мракобесия. Он владел сотней — другой крепостных душ и не допускал мысли о возможности освобождения крестьян. Некрасов страшно сердил его, наводя разговоры на этот предмет» (Е. Колбасин. «Тени старого «Современника». «Современник», 1911 г., № 8, стр. 238). В своих литературно-критических статьях Дружинин выступал как сторонник теории «чистого искусства» и вел борьбу против «натуральной школы», горячим сторонником которой выступал Белинский. Чернышевский относился к Дружинину резко отрицательно. В 1857 г. он писал И. С. Тургеневу: «Я попрошу вас указать мне во всем, что написано Боткиным, Дружининым, Дудышкиным, хотя бы одну мысль, которая не была бы или банальной пошлостью, или бестолковым плагиатом. По-моему, уж лучше Аполлон Григорьев — он сумасшедший, но все же человек (положим, без вкуса), а не помойная яма». Дружинин в свою очередь питал непримиримую вражду к Чернышевскому. «Неужели вы довольны Чернышевским и видите в нем критика, — писал он в 1856 г. Тургеневу, — и не обоняете запаха отжившей мертвечины в его распадах, неловких и в цензурном отношении?» (Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930 г., стр. 194). Естественно, что при таких условиях сотрудничество Чернышевского и Дружинина в одном журнале было невозможным. Опираясь на свою близость к Некрасову и дружбу с ближайшими сотрудниками «Современника» (Тургеневым, Боткиным и др.), Дружинин делал неоднократные попытки вытеснить из «Современника» Чернышевского. Он обвинял последнего в том, что он ничего не понимает в искусстве, стремится пересорить редакцию «Современника» со всеми сотрудниками и что он подводит журнал под цензурные гонения. Пользуясь приездом Некрасова в июле 1855 г. в Москву, где в то время был и Дружинин, последний совместно с Боткиным сделал решительную попытку воздействовать на Некрасова, чтобы убедить его расстаться с Чернышевским. Однако и эта попытка оказалась безуспешной, и Дружинину не осталось ничего другого, как прекратить сотрудничество в «Современнике». Он начинает деятельно сотрудничать в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения», а с конца 1856 г. становится редактором этого последнего журнала. В №№ 11 и 12 «Библиотеки для чтения» Дружинин печатает статью «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», являющуюся прямым ответом на «Очерки гоголевского периода» Чернышевского. В отличие от Чернышевского Дружинин отрицательно относился к «гоголевскому направлению», противопоставляя ему «пушкинское» и приглашая литературу вернуться к нему. На статью Дружинина Чернышевский ответил, не называя его фамилии, чрезвычайно резкой критикой его взглядов на задачи литературы и на теорию «искусство для искусства». Это было сделано Чернышевским в рецензии на «Очерки из крестьянского быта» А. Ф. Писемского, напечатанной в № 4 «Современника» за 1857 г.

⁹ Этот спор между Чернышевским и Некрасовым касался денежного обеспечения больного и находившегося на излечении за границей Н. А. Добролюбова. См. письма Чернышевского к Добролюбову от 14 (26) декабря 1860 г. и от 3 (15) мая 1861 г. Об этом же споре Чернышевский вспоминал в письме к А. Н. Пышину от 25 февраля 1878 г. Из этого письма видно, что Чернышевский считал Некрасова правым, но находил необходимым, считаясь с болезненным состоянием Добролюбова, выполнить предъявленные им редакции «Современника» требования.

№ 2

¹ Добролюбов поселился в доме Краевского на Литейном в двадцатых числах августа 1858 г. Из письма его к В. И. Добролюбову, датированного 25 августа, видно, что Н. А. в это время уже жил на новой квартире, но еще «не вполне устроился» (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М., 1890 г., стр. 453). Добролюбов прожил на этой квартире до конца августа или начала сентября 1859 г.; это видно из письма его к И. И. Бордюгову от

5 сентября, в котором Добролюбов писал: «Живу я теперь на новой квартире в Моховой, дом Гуткова» (там же, стр. 529).

² Тургенев прожил в Петербурге с конца 1858 г. по 20 марта 1859 г., затем был там проездом пять дней в апреле того же года. В конце ноября 1859 г. он вновь приехал в Петербург и пробыл здесь до 24 апреля 1860 г. (с 14 января по 8 февраля 1860 г. он был в Москве). Этими датами определяется время, к которому относятся встречи с ним Добролюбова.

³ Несомненно, что этот разговор Чернышевского с Тургеневым и Некрасовым происходил не после отпечатания статьи Добролюбова, а до появления ее в печати. Чернышевский не мог не знать тех осложнений, которые эта статья вызвала в цензуре. Просматривавший ее цензор Бекетов считал нужным показать ее Тургеневу; последний же заявил Некрасову протест против ее напечатания на том основании, что она «несправедлива и резка». «Я не буду знать, куда бежать, если она напечатается», — писал он Некрасову (В. Евгеньев. «Некрасов и люди 40-х годов». «Голос минувшего», 1916 г., № 10. стр. 101). В то же время Бекетов сообщил Добролюбову (письмо от 19 февраля 1860 г.), что пропустить его статью нет никакой возможности: «Критика такая, каких давно никто не читал, и напоминает Белинского... Напечатать ее так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному». Что именно так испугало Бекетова и Тургенева в статье Добролюбова, в точности нам неизвестно, так как первоначальный текст этой статьи до нас не дошел. В «Современнике» же она была напечатана в значительно переделанном виде.

⁴ В письме к А. Н. Пыпину от 25 февраля 1878 г. Чернышевский, рассказывая об отношении своем к Добролюбову, писал: «Статей его я никогда не читал. Я всегда только говорил Некрасову: «Все, что он написал, правда. И толковать об этом нечего».

⁵ Это была уже переделанная Добролюбовым рукопись, а не первоначальный вариант его статьи.

⁶ Окончательный разрыв Тургенева с Некрасовым и «Современником» произошел уже после отъезда Добролюбова за границу и был вызван появлением в № 6 «Современника» за 1860 г. рецензии Н. Г. Чернышевского на книгу Н. Готорна «Собрание чудес». Автор рецензии, не называя имени Тургенева, весьма прозрачно указывал на то, что в «Рудине» им дана карикатура на М. А. Бакунина. Прочитав эту рецензию, Тургенев написал И. И. Панаеву письмо с отказом от сотрудничества в «Современнике» (1 октября 1860 г.). Письмо это не дошло по назначению, так как его задержал П. В. Анненков, которого Тургенев просил переслать это письмо Панаеву.

⁷ Имеется в виду поездка Чернышевского в июне 1859 г. в Лондон к Герцену для объяснений по поводу статьи последнего «Very dangerous!!!», заключавшей в себе резкие выпады против «Современника».

⁸ Имеются в виду Ипполит Александрович Панаев, заведывавший в 1856 г. конторой и хозяйственной частью «Современника», и публицист Валериан Александрович Панаев, сотрудничавший в этом журнале.

⁹ Вопреки ожиданиям Чернышевского, дело о наследстве М. А. Огаревой до сих пор не выяснено в полной мере и продолжает возбуждать споры среди исследователей. Можно считать установленным, что А. Я. Панаева сыграла в этом деле весьма некрасивую роль, присвоив себе часть огаревских денег. Что же касается Некрасова, то он лично не был причастен к этому делу, но знал о его обстоятельствах и в силу личных своих отношений к Панаевой «прикрывал», по его собственному выражению, ее «в этом ужасном деле».

¹⁰ Литературный фонд был организован в 1859 г. Выборы его комитета происходили 8 ноября.

¹¹ Как видно из статьи Чернышевского «В изъяснение признательности», этот разговор его с Тургеневым происходил на первом литературном вечере, организованном Литературным фондом. Этот вечер состоялся 10 января 1860 г.

¹² Чернышевский имеет в виду статью Тургенева «По поводу «Отцов и детей», опубликованную впервые в I томе Сочинений Тургенева, изд. 1869 г.

13 Тургенев сам не скрывал того, что в «Рудине» пытался изобразить Бакунина. В 1862 г. он писал М. А. Маркович: «Я в Рудине представил довольно верный его портрет» («Минувшие годы», 1908 г., № 8, стр. 96). В 1873 г. он говорил Н. А. Островской: «В Рудине я действительно хотел изобразить Бакунина; только мне это не удалось; Рудин вышел вместе и ниже, и выше его. Бакунин был выше по способностям, по таланту, но ниже по характеру» (Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской. Тургеневский сборник, П., 1915 г., стр. 95). Вне сомнений стоит и факт переделки «Рудина» автором по советам и настояниям друзей, в частности Боткина и Анненкова. Еще в 1857 г. об этом писал А. В. Дружинин, указывая, что эта повесть Тургенева «была много раз прочитана в кругу друзей, которых мнением дорожил автор», и что она «исправлялась и переделывалась вплоть до того дня, когда обычаи нашей спешной журнальной деятельности могли терпеть такую медленность» («Библиотека для чтения», 1857 г., № 5, стр. 40). О том же писал и Чернышевский в упомянутой выше рецензии на книгу Готорна.

14 Эпилог, в котором рассказывается о смерти Рудина на парижских баррикадах, отсутствовал в журнальном тексте и был добавлен Тургеневым лишь при переиздании «Рудина» в составе III тома «Повестей и рассказов» Тургенева, изданных в 1856 г. Вопреки сообщению Чернышевского, эпилог к «Рудину» был ему известен; мало этого, несмотря на просьбу Тургенева, переданную Чернышевскому Панаевым, он упомянул об этом эпилоге в печати. Говоря о кружке западников 40-х годов, Чернышевский в 5-й главе «Очерков гоголевского периода» писал: «И кто хочет перенестись на несколько минут в их благородное общество, пусть прочитает в «Рудине» рассказ Лежнева о временах его молодости и удивительный эпилог повести г. Тургенева».

15 Повидимому, Чернышевский имеет в виду то место своей статьи «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», напечатанной в № 1 «Современника» за 1862 г., где он называет «тупоумными глупцами» и «дурными пошляками» людей, считающих Добролюбова «человеком без души и сердца». Другим лицом, которого Чернышевский имеет в виду, был А. И. Герцен.

16 Приведенный в предыдущем примечании выпад Чернышевского против Тургенева не может быть приписан влиянию воспоминаний об «Отцах и детях», так как этот роман был напечатан позже статьи Чернышевского.

№ 3

1 «Биографические сведения» о Некрасове в I томе его «Стихотворений» составлены А. М. Скабичевским. Примечания же к стихотворениям и «Свод статей о Некрасове», к которым относятся следующие две «Заметки» Чернышевского, помещены в IV томе того же издания и составлены А. М. Скабичевским совместно с библиографом С. И. Пономаревым.

2 Воспоминания Достоевского были напечатаны после смерти Некрасова в № 12 «Дневника писателя» за 1877 г.

3 Сообщение Скабичевского о роли Андрея Глушицкого в судьбе Некрасова основано на воспоминаниях брата Андрея, Н. Глушицкого, напечатанных в виде письма в редакцию в № 107 «Петербургского листка» за 1877 г.; однако эти воспоминания не дают основания для такого категорического заключения о роли А. Глушицкого, какое сделано Скабичевским. Н. Глушицкий говорит только о том, что по приезде Некрасова в Петербург А. Глушицкий отговаривал его от поступления в дворянский полк (а не в кадетский корпус, как пишет Чернышевский), на чем настаивал отец Некрасова, и помогал Некрасову готовиться к вступительным экзаменам в университет. Все это не исключает того, что первая мысль о поступлении в университет могла быть дана Некрасову его матерью, и не дает основания говорить подобно Скабичевскому, что встреча с А. Глушицким «перерешила всю судьбу юноши» Некрасова (стр. XXVII). Некрасов не был принят в студенты вследствие того, что не выдержал экзамена; ему удалось поступить в университет только в качестве вольнослушателя.

⁴ В качестве мотивов, порождавших «мягкость» критических отзывов Некрасова, Скабичевский наряду с «благодушием» его указывает на цензурные условия того времени, при которых резкий, задорный тон статей рассматривался как нарушение «мирного настроения общества и благочиния», и на ограниченность тогдашних литературных кадров и отсутствие в их среде «непримиримо враждебных лагерей».

⁵ Высказанное Чернышевским мнение о том, что к эпохе 60-х годов во взглядах и убеждениях Некрасова не произошло никакой перемены и что знакомство его с «новыми людьми» в лице самого Чернышевского и Добролюбова не оказало никакого влияния на его образ мыслей, нуждается в весьма существенных оговорках. Конечно, Скабичевский был не прав, когда он утверждал, что в поэзии Некрасова до эпохи 1856 и следующих годов проявлялся только «горячий, но крайне неопределенный протест против пошлости, насилия, рабства и всяческого угнетения» и что только после 1856 г. Некрасов становится «певцом народного горя — в широком и глубоком, но вполне определенном смысле» (стр. XXI). Перечисленные Чернышевским стихотворения 1846—1853 гг. действительно показывают, как глубоко Некрасов уже тогда сочувствовал судьбе русского крестьянства, как уже тогда он возмущался и горячо протестовал против рабства и угнетения и, наконец, что уже тогда Некрасов был тем «певцом народного горя», каким он являлся в течение всей его последующей деятельности. Однако наряду с этим в поэзии Некрасова второй половины 50-х годов и 60-х годов появляются новые, отсутствовавшие в ней ранее ноты, свидетельствующие, что он начинает понимать невозможность улучшения участи крестьянства мирным путем. Именно в это время в поэзии Некрасова появляются призывы идти в борьбу «за честь отчизны, за убеждения, за любовь», и он начинает понимать, что «дело прочно, когда под ним струится кровь» («Поэт и гражданин», 1856 г.). В этом прояснении и углублении политических взглядов Некрасова громадную роль сыграло сближение его с Чернышевским. Не столько «специальные сведения» и «технические подробности» воспринимал Некрасов из бесед с Чернышевским, сколько понимание непримиримой противоположности интересов эксплуатируемых и эксплуататоров и убеждение в том, что только путем борьбы первые могут освободиться от гнета последних. Достаточно вспомнить разрыв Некрасова с его прежними друзьями из лагеря либерального дворянства (Боткин, Тургенев, Анненков и др.), чтобы убедиться в том, насколько велико было на Некрасова влияние идей, пропагандистами которых выступали Чернышевский и Добролюбов. Несмотря на настойчивые советы своих прежних друзей порвать с Чернышевским, который, по их словам, губит «Современник», Некрасов предпочел сохранить его сотрудничество хотя бы ценою полного разрыва с людьми, дружбой и близостью которых он чрезвычайно дорожил. Конечно, в воззрениях Некрасова не произошло столь резкого перелома, какой пережил, например, Белинский, перешедший от примирения с действительностью к «маратовской» любви к человечеству; в этом Чернышевский безусловно прав, и параллель, проводимая Скабичевским между «Менцелем» Белинского и «Тремя странами света» Некрасова, лишена достаточных оснований, но от этого еще далеко до отрицания какой бы то ни было перемены в его взглядах под влиянием Чернышевского и Добролюбова.

⁶ Высокое мнение о Петре I Некрасов выразил в поэме «Несчастные», где он отзывается об этом царе, как о «мудром государе, кому в царях никто не равен, кто до скончания мира славен и свят». Чернышевский неправ, утверждая о себе, будто он всегда одинаково отрицательно относился к личности и преобразовательной деятельности Петра. В IV главе «Очерков гоголевского периода» он писал: «Для нас идеал патриота — Петр Великий». Соответствующую этому характеристику Петра он давал и в статье «О новых условиях сельского быта» (см. V том настоящего издания), где он между прочим писал: «Бластательные подвиги времен Петра Великого и колоссальная личность самого Петра покоряют наше воображение; неоспоримо громадно и существенно величие совершенного им дела». Таким образом в начале сотрудничества Чернышевского в «Современнике» расхождение между ним и Некрасовым в оценке петровской реформы и личности самого Петра ни в чем не проявлялось. Однако

через некоторое время отношение Чернышевского к Петру стало принимать более скептический характер. В написанной в 1861 г., но в то время ненапечатанной статье об «Апологии сумасшедшего» Чаадаева (см. том VII настоящего издания) Чернышевский решительно выступает против панегиристов Петра. По его мнению, Петр вовсе не имел в виду перенести в Россию западную цивилизацию, а заботился исключительно лишь о том, чтобы сделать из России могущественную военную державу, способную вынести борьбу с западноевропейскими государствами. Чернышевский утверждает, что в результате реформ Петра изменились лишь «имена, а не характер вещей» и что «способ его действия был чисто национальный, без малейшей примеси западного характера».

7 Имеется в виду А. Я. Панаева.

8 Статьи Белинского «Мендель как критик Геге» и «Бородинская годовщина» были написаны Белинским в эпоху увлечения его идеями Гегеля и связанного с этим «примирения» с действительностью. Позднее Белинский не только не любил вспоминать об этих статьях, но и негодовал на себя за их опубликование. Что же касается романа «Три страны света», написанного Некрасовым в сотрудничестве с А. Я. Панаевой (под псевдонимом Н. Станицкий) и впервые напечатанного в «Современнике» в 1848—49 гг., то роман этот имел авантюрный характер и в нем не было ничего, от чего Некрасову приходилось бы впоследствии отказать, за исключением лишь некоторой апологии приобретательства, свойственного герою этого романа.

9 Для правильного понимания этих слов Чернышевского необходимо иметь в виду следующее. Из его примечаний к «Очеркам политической экономии» Милля и из ряда его статей («Капитал и труд» и др.) совершенно ясно, что Чернышевский вполне понимал эксплуататорскую роль капитала в народном хозяйстве и непримиримость его интересов с интересами труда. Однако Чернышевский понимал и то, что, несмотря на все темные стороны, свойственные капитализму, капиталистический строй является прогрессом по сравнению с феодально-крепостническим и что поэтому в условиях русской политической жизни его эпохи у буржуазии и у трудящихся классов общества имеются на известном этапе общие интересы, сводящиеся к борьбе против самодержавия, как диктатуры феодального дворянства.

10 В биографии Некрасова, напечатанной в I томе его «Стихотворений», цитировалась статья доктора Н. А. Белоголового «Болезнь Н. А. Некрасова», напечатанная в № 10 «Отечественных записок» за 1878 г.

11 Заметка Чернышевского о сборнике стихотворений Некрасова была напечатана в № 11 «Современника» за 1856 г.; она сопровождалась перепечаткой трех наиболее острых в политическом отношении стихотворений. Эта заметка вызвала целую цензурную бурю. Министр народного просвещения А. С. Норов отдал предписание: «Запретить как перепечатание книги, так и всякие из оной выписки. Издателю «Современника» объявить, что первая подобная выходка подвергнет его журнал совершенному прекращению; а цензору — что он будет отрешен от должности за первый пропуск чего-либо подобного». Сам Некрасов в это время находился за границей. На первых порах по получении известия о происшедшем в Петербурге он сильно негодовал на Чернышевского и особенно на И. И. Панаева, согласившегося на печатание заметки Чернышевского, но вскоре успокоился настолько, что все усилия его друзей из либерального лагеря, воспользовавшись этим инцидентом, побудить Некрасова порвать с Чернышевским, не увенчались успехом.

12 Нет никакого сомнения в том, что в 1862 г. «Современник» был приостановлен вовсе не исключительно из-за Чернышевского, а из-за общего направления этого журнала, за которое Некрасов был ответственен столько же, сколько и Чернышевский.

13 Первоначальный вариант этого изуродованного в угоду цензуре стиха до сих пор неизвестен.

14 Предисловие издательницы А. А. Буткевич было помещено в I томе «Стихотворений» Некрасова, стр. V—XI.

№ 4

¹ Рассказанная Чернышевским история произошла в начале 1855 г. По случаю 50-летнего юбилея Н. И. Греча Добролюбов написал весьма резкое стихотворение, широко разошедшееся в списках по Петербургу. Вследствие нескромности товарищей Добролюбова его авторство стало известно директору педагогического института Давыдову, по распоряжению которого у Добролюбова был произведен обыск, причем были найдены издания Герцена. Одновременно обыск был произведен у товарища Добролюбова Д. Ф. Щеглова. Однако вся эта история не имела для Добролюбова серьезных последствий. «Я мог поплатиться за свое легкомыслие целую карьерою, — писал Добролюбов М. И. Благообразову, — но, к счастью, имел довольно благоразумия, чтобы не заператься перед директором, признавшись в либеральности своего направления, показал вид чистосердечного раскаяния. Профессора заступились за меня» (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М. 1890 г., стр. 230—231).

² Знакомство Чернышевского с Добролюбовым состоялось в июне 1856 г.

³ В письме к Н. А. Некрасову от 17 июня 1856 г. Чернышевский писал: «Статья (в библиографии) о педагогическом институте произвела прелестнейший эффект, так что я решительно конфужусь от похвал, которыми осыпают меня за нее (она приписывается мне)».

⁴ Ответ А. Галахову был напечатан в № 11 «Современника» за 1856 г., как часть обзора «Заметки о журналах», составленного Н. Г. Чернышевским. Статья Галахова «Были и небылицы, сочинение императрицы Екатерины II» была напечатана в «Отечественных записках» 1856 г., № 10. Автор ее доказывал, что сатира Екатерины II имела более серьезный характер, чем тот, который придавал ей Добролюбов в его статье «Собеседник любителей русского слова».

№ 5

¹ В «Русской мысли», 1885 г., №№ 5 и 6, была опубликована автобиография Н. И. Костомарова, записанная с его слов в 1869 г. Другой вариант его автобиографии, значительно более обширный, записанный со слов Костомарова в 1875 г., был опубликован частично в 1890 г. в «Литературном наследии» Костомарова, а полностью — в 1922 г. издательством «Задруга».

² 8 февраля 1861 г. Н. И. Костомаров должен был прочитать на годичном акте в Петербургском университете речь на тему «О значении в обработке русской истории трудов Константина Аксакова». Однако, по распоряжению министра народного просвещения, речь Костомарова была снята. Это послужило поводом для шумной демонстрации, произведенной студентами во время акта. Чтобы успокоить студентов, ректор университета заявил им, что речь Костомарова будет прочтена в ближайшие дни на публичном литературном вечере. Это обещание было сдержано. Костомаров действительно прочитал свою речь, а вслед за этим она появилась в печати («Русское слово», 1861 г., № 2). Абсолютно без всяких оснований Костомаров, как это видно из его «Автобиографии», вообразил, что отмена его выступления на акте явилась результатом интриги нескольких профессоров, придерживавшихся «западнического направления» и увидавших в его намерении прочитать речь, посвященную памяти незадолго до того умершего К. С. Аксакова, переход к славянофильству. «Чернышевский, — добавляет, рассказывая об этом, Костомаров, — напротив, отнесся сочувственно, да он и вообще не был врагом славянофилов, только не терпел их поповского направления» («Русская мысль», 1885 г., № 6, стр. 351). Конечно, это сообщение Костомарова надо принимать как свидетельство не о действительном отношении Чернышевского к славянофилам, а о том, как мало разбирался в этом отношении Костомаров и как превратно он понимал взгляды Чернышевского.

³ Популярный среди студенчества профессор П. В. Павлов был выслан из Петербурга за речь о тысячелетии России, произнесенную им на литературном вечере 2 марта 1862 г. Петербургский университет в то время был закрыт правительством в связи с студенческими волнениями, разыгравшимися в сентябре и октябре 1861 г., но в здании городской думы происходило организо-

ванное по инициативе студентов чтение публичных лекций по различным предметам университетского курса. Возбужденное высказкой Павлова студенчество решило реагировать на этот акт правительственного произвола прекращением публичных лекций. Что касается профессоров, то среди них замечалось колебание по этому вопросу; однако большинство склонялось в пользу продолжения лекций. На такой именно точке зрения стоял и Костомаров. 8 марта во время очередной его лекции между ним и студентами произошло резкое столкновение. На заявление Костомарова о том, что он намерен продолжать чтение лекций, студенты ответили свистками. Костомаров же в ответ на это обозвал студентов «Репетиловыми, из которых лет через десять выйдут Распуловы».

4 Посещение Костомарова Чернышевским приходится отнести на один из ближайших дней после 8 марта, — вероятно, 9 или 10. Во втором варианте «Автобиографии» Костомаров значительно изменил рассказ о посещении его Чернышевским. См. «Автобиография», М. 1922 г., стр. 303.

5 Студенческий комитет образовался в декабре 1861 г. для распределения между нуждающимися студентами собираемых в их пользу денег. В состав этого комитета входили студенты, принимавшие деятельное участие как в студенческих волнениях 1861 г., так и в революционном движении той эпохи: Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, П. А. Гайдебуров, А. Я. Герд, В. Л. Гогоберидзе, С. И. Ламанский, П. Ф. Моравский, Е. П. Печаткин и П. Л. Спасский. Среди них были люди, принадлежавшие, подобно Утину и Гогоберидзе, к числу частых посетителей Чернышевского. Последний проявлял большой интерес к деятельности комитета. По свидетельству Пантелеева, Чернышевский присутствовал на одном из заседаний студенческого комитета, состоявшемся вскоре после 8 марта, и отговаривал его членов подавать правительству адрес о помиловании проф. Павлова, сбором подписей под которым в то время занимались члены комитета (Л. Ф. Пантелеев. «Из воспоминаний прошлого». М.—Л., 1934 г., стр. 226).

6 Это письмо Костомарова к Чернышевскому опубликовано в книге М. К. Лемке «Политические процессы в России 1860-х годов», М., 1923 г., стр. 194—196.

7 Н. Д. Ступину Костомаров характеризует как «крайне экзальтированную девушку, недурную собою». Познакомившись с ней в 1850 г., Костомаров, по его словам, подружился с ней. Получив неожиданно от нее письмо с признанием в любви, он ответил холодным письмом, в котором указал, что ей известно о существовании у него невесты в Киеве. После этого всякие отношения между ним и Ступиной были прерваны. Однако, когда Костомарову стало известно, что его невеста вышла за другого, он возобновил знакомство со Ступиной и заговорил с нею о женитьбе. Но, по его словам, Ступина медлила дать ему окончательный ответ на его предложение, и он, по свойственной ему мнительности, приписывал это тому, что Ступина ждет предложения со стороны эдного богатого старика, посещавшего ее родителей. Вскоре старик уехал из Саратова, и тогда Ступина заявила Костомарову, что он может официально свататься к ней. «Это, — рассказывает Костомаров, — окончательно взбесило меня; прав ли я был или нет, не знаю, но после нескольких сцен мы разошлись». К этому вкратце сводится рассказ Костомарова о его взаимоотношениях со Ступиной («Русская мысль», 1885 г., № 6, стр. 23). Подробный разбор его рассказа Чернышевским показывает, как мало искренен был Костомаров, повествуя об этом эпизоде своей биографии.

8 Из письма Чернышевского к родителям от 29 марта 1851 г. видно, что в это время он находился в Симбирске и рассчитывал приехать в Саратов между 3 и 5 апреля. Этим приблизительно определяется время знакомства его с Костомаровым.

9 Участие в саратовском ритуальном процессе является одной из наиболее мрачных страниц в биографии Костомарова. Обстоятельства этого дела, по всей справедливости названного Чернышевским «гнусным», сводятся к следующему. В конце 1852 и в начале 1853 г. в Саратове были убиты два христианских мальчика; подозрение, основанное на сбивчивых и противоречивых показаниях некоторых темных личностей и заведомых авантюристов, пало на трех местных евреев. Процесс тянулся около восьми лет и кончился только в 1860 г.,

когда Государственный совет, несмотря на оправдательный приговор Сената и на заключение министра юстиции, признавшего отсутствие в деле достаточных данных для обвинения привлеченных к делу, большинством голосов приговорил последних к каторжным работам. Царь утвердил этот приговор. Костомаров входил в состав следственной комиссии по этому делу. В своей автобиографии он обвинял саратовские власти в том, что они прикрывали обвиняемых: следователи, по его словам, «хлопотали только о том, чтобы замять дело»; губернатору «хотелось во что бы то ни стало оправдать жидов». «Я,— говорит Костомаров,— написал скорее в обратном смысле» («Русская мысль», 1885 г., № 6, стр. 25—26). Им была составлена «ученая записка», в которой он доказывал, что обвинение евреев в пролитии христианской детской крови «не лишено исторического основания» («Автобиография», М., 1922 г., стр. 216). Мало этого: когда в 70-х годах известный ориенталист Д. Хвольсон, также принимавший участие в расследовании саратовского дела, опубликовал брошюру, в которой доказывал, что ритуальная легенда, возникшая на почве мрачного фанатизма в средние века, не имеет под собою никаких оснований, Костомаров напечатал в «Новом времени» (1872 г., № 1172) разбор этой брошюры, в котором между прочим писал: «Не имея повода разделять с евреями их племенного патриотизма, не можем в ущерб здравому смыслу и в противность истории согласиться с г. Хвольсоном, что между евреями не могло возникнуть этого суеверия».

¹⁰ Чернышевский до конца жизни признавал научные заслуги Костомарова; это видно из лестной оценки им исторических трудов Костомарова в своем предисловии к XI тому русского перевода «Всеобщей истории» Г. Вебера. Что касается Костомарова, то он дает Чернышевскому следующую характеристику: «Чернышевский был человек чрезвычайно даровитый, обладавший в высшей степени способностью производить обаяние и привлекать к себе простотой, видимым добродушием, скромностью, разнообразными познаниями и чрезвычайным остроумием. Он, впрочем, лишен был того, что носит название поэзии, но зато был энергичен до фанатизма, верен своим убеждениям во всей жизни и в своих поступках и стал ярким апостолом безбожия, материализма и ненависти ко всякой власти» (Автобиография Костомарова, 1922 г., стр. 330).

№ 6.

О свиданиях с Ф. М. Достоевским Н. Г. Чернышевский, возможно, написал в ответ на воспоминания самого Достоевского о встречах с ним. Достоевский в IV главе «Нечто личное» «Дневника писателя» за 1873 г. рассказал о «кратком и радужном знакомстве» своим с Чернышевским. Достоевский усиленно подчеркивал взаимное расположение свое и Чернышевского, чтобы своим рассказом разрушить «глупую сплетню», циркулировавшую среди литераторов и кругов, близких к «Современнику», и переданную Некрасовым лично при встрече с Достоевским, о том, что он (Достоевский) «в своей повести («Крокодил») не постыдился надругаться над несчастным ссыльным (Чернышевским) и окарикатурил его» в «Крокодиле» (см. «Дневник писателя» за 1873 г., Собр. соч. в изд. «Просвещение», т. XIX, стр. 176).

Достоевский фактическую историю своих отношений с Чернышевским рисует так: «С Николаем Гавриловичем Чернышевским я встретился в первый раз в пятьдесят девятом году, в первый же год по возвращении моем из Сибири, не помню где и как. Потом иногда встречались, но очень не часто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочем, подавали друг другу руку. Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, т. е. наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились».

Однажды утром я нашел у дверей моей квартиры, на ручке замка, одну из самых замечательных прокламаций из всех, которые тогда появились, а появлялось их тогда довольно. Она называлась: «К молодому поколению». (Надо думать, что это была прокламация «Молодая Россия», составленная П. Г. Заичневским. — *Ред.*) Ничего нельзя было представить нелепее и глупее. Содержания возмутительного в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать. Мне ужасно стало досадно и было грустно весь день...

Перед вечером мне вдруг вздумалось отправиться к Чернышевскому. Никогда до тех пор ни разу я не бывал у него и не думал бывать, равно как и он у меня.

Я вспоминаю, что это было часов в пять пополудни. Я застал Николая Гавриловича совсем одного, даже из прислуги никого дома не было, и он отворил мне сам. Он встретил меня чрезвычайно радушно и привел к себе в кабинет.

— Николай Гаврилович, что это такое? — вынул я прокламацию.

Он взял ее как совсем незнакомую ему вещь и прочел. Было всего строк десять.

— Ну что же? — спросил он с легкой улыбкой.

— Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость?

Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал:

— Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?

— Именно не предполагал, — отвечал я, — и даже считаю ненужным вас в этом уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско, и уж, конечно, они боятся вашего мнения.

— Я никого из них не знаю.

— Я уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них.

— Может, и не произведет действия. Да и явления эти, как сторонние факты, неизбежны.

— И однако всем и всему вредят.

Тут позвонил другой гость, не помню кто. Я уехал. Долгом считаю заметить, что с Чернышевским я говорил искренно и вполне верил, как верю и теперь, что он не был «солидарен» с этими разбрасывателями. Мне показалось, что Николаю Гавриловичу не неприятно было мое посещение; через несколько дней он подтвердил это, заехав ко мне сам. Он просидел у меня с час, и, признаюсь, я редко встречал более мягкого и радужного человека, так что тогда же подивился некоторым отзывам о его характере, будто бы жестоком и необщительном. Мне стало ясно, что он хочет со мною познакомиться, и помню, мне было это приятно. Потом я был у него еще раз, и он у меня тоже... Вскоре по некоторым моим обстоятельствам я переселился в Москву и прожил в ней месяцев девять. Начавшееся знакомство, таким образом, прекратилось. За сим произошел арест Чернышевского и его ссылка.

Устраним фактическую неточность. Показание Достоевского о том, что он на девять месяцев будто бы уехал в Москву, не соответствует действительности. На самом деле он выезжал не в Москву, а в июне 1862 г. за границу.

Достоевский вовсе не говорит о том, что мы узнаем из воспоминаний Чернышевского. А между тем известно, что петербургские пожары 1862 г., начавшиеся с 16 мая и продолжавшиеся в течение двух недель, оказали свое влияние как на общественное мнение того времени, так и на Достоевского. Так, Н. Н. Страхов, друг и единомышленник братьев Достоевских в те годы, в своих воспоминаниях не преминул отметить это обстоятельство: «Почти вслед за самою яркою из прокламаций, обещавшею залить улицы кровью и не оставить камня на камне, начались петербургские пожары. Это была самая ужасная минута нашей *воздушной революции* (курсив автора. — *Ред.*), брожения, возникшего в оторвавшихся от почвы умах и душах... Пожары наводили ужас, который трудно описать. Помню, мы вместе с Федором Михайловичем отправились для развлечения куда-то на загородное гулянье. Издали с парохода видны были клубы дыма, в трех или четырех местах поднимавшиеся над городом. Мы приехали в какой-то сад, где играла музыка и пели цыгане. Но, как мы ни старались позабыться, тяжелое настроение не проходило»*. Пожары и другие современники связывали с появлением прокламаций и приписывали

* См. «Биография, письма и заметки из записной книжки» Ф. М. Достоевского», СПб. 1883, стр. 239.

их революционерам. Мало этого, молва связывала с пожарами имя Чернышевского. «Знаменитый апраксинский пожар (пожар Апраксина двора произошел 28 мая 1862 года, — *Ред.*), — писал А. Н. Пыпин в своей «Записке о деле Н. Г. Чернышевского» 18 февраля 1881 г., — происшедший, как после образумившись утвердительно говорили, от мошеннического поджога лавочника, дикая молва громко приписывала нигилистам, а Чернышевского провозглашала их главой» (см. «Красный архив», 1927, том XXII, стр. 219). Осведомленный во всех этих слухах и мнениях, носившихся по Петербургу, Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях без всяких колебаний связывает посещение Достоевским Чернышевского с пожарами 1862 года: «До какой степени, однако, в обществе существовало убеждение в причастности Чернышевского даже к крайним революционным проявлениям, всего лучше свидетельствует визит, который ему сделал Ф. М. Достоевский после апраксинского пожара. Ф. М. убеждал Чернышевского употребить все свое влияние, чтобы остановить революционный поток» (см. «Из воспоминаний прошлого», изд. «Academia», 1934 г., стр., 267). Связь между посещением Чернышевского Достоевским и пожарами подтверждается и В. Н. Шагановым. В своих воспоминаниях последний говорит: «Другой анекдот рассказал сам Чернышевский. В мае 1862 года в самое время петербургских пожаров рано поутру врывается в квартиру Чернышевского Ф. Достоевский и прямо обращается к нему с следующими словами: «Николай Гаврилович, ради самого господ, прикажите остановить пожары!» Большого труда тогда стоило, говорил Чернышевский, что-нибудь объяснить Ф. Достоевскому. Он ничему верить не хотел и, кажется, с этим неверием, с отчаянием в душе убежал обратно» (см. «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», восп. В. Н. Шаганова. СПб., 1907, стр. 8). Достоевскому не удалось в то время выступить в печати по поводу пожаров, но тем не менее имеются основания предполагать, что Достоевский, до известной степени, склонялся к мнению о причастности революционеров к поджогам и о связи между поджогами и «Молодой Россией».

Не выступая публично против революционной группы журналистов, Достоевский в частной беседе с Чернышевским сделал попытку протестовать против творимых якобы по заданиям вождя этой группы пожаров. Достоевский был сдержан в беседе с Чернышевским; однако его свидетельство о себе и его поведение отнюдь не лишают историка права и возможности усомниться в заверениях Достоевского относительно доброжелательных отношений его к Чернышевскому в 1862 году.

Расхождение Достоевского с Чернышевским обозначилось раньше 1862 года. Первое печатное заявление Достоевского о несогласии с Чернышевским относится к 1861 году. Отвечая на полемику «Русского вестника» по вопросу об эмансипации женщин, Достоевский отклоняет обвинения Каткова в солидарности с «Современником» и довольно прозрачно намекает на несходство в коренных вопросах своего мировоззрения с мировоззрением Чернышевского, незадолго до того в своей статье «Антропологический принцип в философии» («Современник», 1860 г., № 4—5) познакомившего русское общество с основами материалистической философии: «Уверяю вас, — обращается Достоевский к редактору «Русского вестника», — что я, пишущий эти строки, отнюдь не думаю и не верю, что я вышел из реторты. Я не могу этому верить» (см. его статью «Ответ «Русскому вестнику» в журнале «Время», 1861 г., № 5; Собр. соч., изд. «Просвещение», т. XXIII, стр. 60). В этих словах прямой выпад против материалистического монизма, провозглашенного Чернышевским. Продолжая полемику с «Русским вестником», Достоевский в статье «По поводу эгегического замечания «Русского времени», напечатанной в журнале «Время», 1861 г., № 10, еще более откровенно говорит о размежевании с Чернышевским: «А знаете, — обращается Достоевский к Каткову, — что мы скажем в заключение? Ведь это вас г. Чернышевский разобидел недавно своими «полемическими красотоми» (статьи Чернышевского под таким названием появились в «Современнике», 1861 г., № 6. «Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского вестника», № 7. «Коллекция вторая. Красоты, собранные из «Отечественных записок». — *Ред.*), вот вы и испустили свой эгегический плач. Мы, по крайней мере, уверены в этом. Он даже не удостоил заговорить с вами языком приличным. Такая обида! Нам можно говорить о г. Чернышевском, не боясь, что нас примут за

его сеидов и отъявленных партизанов. Мы так часто уже задевали нашего капризного публициста, так часто не соглашались с ним» (Соч., т. XXIII, стр. 120). Достоевский, насколько нам известно, кроме указанного случая, ранее не полемизировал лично с Чернышевским, но он к этому времени провел большую дискуссию с Добролюбовым по вопросам искусства («Введение», «Г — бов и вопрос об искусстве») и, выступая против утилитаристов и обличительной литературы, через голову Добролюбова «задевал» Чернышевского. Таким образом, еще в 1861 г. Достоевский вполне ясно отмежеввался от Чернышевского. Несмотря на все расхождения между воспоминаниями Чернышевского и Достоевского, есть все основания верить тому, как Чернышевский освещает эпизод посещения его Достоевским. Воспоминания Чернышевского ценны и тем, что раскрывают неточность показаний Достоевского и позволяют пересмотреть вопрос о «дружеском расположении» автора «Бесов» к революционному демократу. Подтверждая факт встреч с Достоевским, Чернышевский дает клиническую картину состояния Достоевского. Этот диагноз, оказывается, определил и характер отношения Чернышевского к взволнованному событиями автору «Записок из подполья». Чернышевский отнесся к нему бережно и внимательно, как подобает здоровому человеку, вернее — психиатру, невропатологу, вообще врачу к пациенту. Достоевский же, не зная подлинной причины внимательного отношения Чернышевского к нему, приписал все это дружескому расположению, на которое-де и он отвечал тем же.